

Екатерина Эдуардовна СУРОВА / Ekaterina SUROVA | Наталья Владимировна БУТОНОВА / Natalya BUTONOVA

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

Екатерина Эдуардовна СУРОВА / Ekaterina SUROVA

*Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт-Петербург, Россия
Профессор кафедры № 1 Гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Доктор философских наук*

*The S. M. Budjonny Military Academy of the Signal Corps, Saint Petersburg
Department of Humanities and Social Sciences
Doctor of Sciences in Philosophy, Professor
esurova2005@mail.ru*

Наталья Владимировна БУТОНОВА / Natalya BUTONOVA

Независимый исследователь, Россия

*Independent Researcher, Russia
ram0606@rambler.ru*

СТРАТЕГИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРАКТИК И ИДЕОЛОГИЯ POST-WORK

Статья посвящена идентификационным практикам в контексте формирующейся новой идеологии труда и досуга. Идентификация индивида в современном мире обретает набор характеристик, препятствующих однозначности выводов при проведении исследований. Это такие характеристики как гибкость, мобильность, виртуальность и др. Такая особенность идентификационной практики влияет на характер любых видов человеческой деятельности, меняет в том числе и характеристики труда. Экспансия работы в жизненном пространстве индивида приводит к необходимости переоценки соотношения труда и досуга, выявления творческого потенциала досуговых практик и выработки новых стратегий идентификации. Но вопрос о соотношении самих практик «труда» и «досуга» не имеет отчетливо обозначенной границы. Отсюда встает вопрос и о «мире без работы» как специфическом пространстве человеческой деятельности. «Мир без работы» на данный момент сам является, скорее, проблемой, чем ее решением. Тем не менее, он предоставляет более широкие возможности и открывает новые перспективы для порядков самоидентификации, чем существующая парадигма трудовой деятельности.

Ключевые слова: идентификация, досуговые практики, мобильность, креативность, стратегии компенсации, жизненный проект, стиль жизни, «мир без работы», Post-Work.

127

THE STRATEGIES OF IDENTIFICATION PRACTICES AND POST-WORK IDEOLOGY

The article is devoted to identification practices in the context of the emerging new ideology of work and leisure. Identification of an individual in the modern world acquires a set of characteristics preventing unambiguous of conclusions in the conduct of research. These are such characteristics as flexibility, mobility, virtuality, etc. Such feature of identification practice influences character of any kinds of human activity, including changes characteristics of work. Expansion of work to life space of the individual results in need of reevaluation of a ratio of work and leisure, revealing the creative potential of leisure practices and elaboration of new identification strategies. But the question of the relationship between the very practices of "work" and "leisure" has no a clearly marked border. Hence the question also arises of a "world

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

without work" as a specific space of human activity. "The world without work" at the moment is more likely a problem than solving the accumulated problems. Nevertheless, it provides more opportunities and opens new prospects for the order of self-identification than the existing work paradigm.

Глобальные культурные и общественные изменения, происходящие на протяжении последних десятилетий, внедрение в повседневную жизнь технологий, которые в прошлом веке занимали место лишь на страницах научно-фантастических романов, политические и экономические процессы, ставящие под сомнение некогда господствовавшие принципы суверенной целостности национальных государств, приводят к структурным сдвигам во всех областях жизни как индивидов, так и общества в целом. В связи со столь существенными изменениями в социокультурном пространстве человек оказывается дезориентирован. Определенность в любых его представлениях как о себе, так и об окружающем мире исчезает. В этих условиях актуализируется и проблематизируется ряд тем, связанных с идентичностью, которая становится одной из центральных для гуманитарного дискурса.

Идентичность, по выражению З. Баумана, рождается как проблема, и, прежде всего, как задача¹, именно тогда, когда распадаются социальные связи, когда неопределенность окружающего мира приводит к необходимости некоего постоянства, которое и обнаруживает себя в самоопределении. При этом

¹ См.: Bauman Z. Identity: conversation with Benedetto Vecchi. Polity Press, 2004. P. 18.

Key words: Identification, Leisure Practices, Mobility, Creativity, Compensation Strategies, Life Project, Lifestyle, "World Without Work", Post-Work.

оказывается, что сама идентичность перестает восприниматься как нечто наличествующее, и ее очевидность ставится под сомнение. Она становится целью, тем, что необходимо изобрести или выбрать из альтернативных вариантов. Идентичность, как возможность соразмерного восприятия реальности, утрачивает стабильность. Сам термин распадается на ряд понятий, среди которых первичное значение обретает «идентичность» как соотнесенность объектов в пространстве возможного опыта, «идентификация» как процесс изменения соотнесенности данных объектов и «самоидентификация» как специфическая рефлексия Самости по отношению к определяющим экзистенциальным значениям².

В контексте данного исследования имеет смысл акцентировать внимание на процессе идентификации. Динамика соотнесенности объектов в пространстве возможного опыта позволяет нам утверждать, что идентификация ситуативна. Она оптимизирует коммуникативный опыт при антропологической и информационной перегруженности. Также она позволяет индивиду формировать повседневные практики, допуская инвариантность контекста, что дает возможность индивиду выстраивать «ближний мир» собственной реальности в пер-

² Подробнее об этом: Сурова Е.Э. Идентичность. Идентификация. Образ СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 228 с.

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

спективах реализации собственной креативности. Это приводит к конструированию идентичности, которая в таком случае представляется как процесс, где индивид «узнает себя и конструирует смыслы»³ в постоянно меняющемся контексте. М. Кастельс в связи с этим утверждает, что ключевым принципом современности, раскрывающемся одновременно в экономическом и социокультурном порядке становится принцип гибкости: гибкими являются пространственно-временные показатели межличностных и общественных взаимодействий («реальная виртуальность»), параметры труда и вознаграждения за него, восприятие экзистенциальных режимов и пр.

На присутствие в семантике идентичности аспекта изменчивости обратил внимание еще П. Рикер в работе «Повествовательная идентичность», раскрыв антиномичность временной самоидентичности и тождественности в ее вневременном измерении. В первом случае понятие идентичности восходит в своем значении к латинскому «*idem*», что значит «в высшей степени сходное», «аналогичное», «то же самое», «одно и то же», что противолечит по смыслу «различному», «изменяющемуся». Во втором случае идентичность интерпретируется как «самость», тождественность себе, в противоположность «иному» и «другому». Такая идентичность выстраивается человеком самостоятельно в соответствии с определенными нормами и идеалами. Но за этим следует «дробление» значений, при котором осмысленность как таковая теряется, ибо смысл, по мнению данного автора, лишается своих пре-

делов, что приводит к «конфликту интерпретаций».

Активная позиция индивида по отношению к реальности и динамический аспект идентичности анализировались с позиций конструктивистского подхода в рамках символического интеракционизма такими авторами как П. Бергер, Т. Лукман, И. Гофман. Для данного подхода характерно смещение акцентов с эссенциалистской трактовки идентичности на конструктивистскую, что представляется вполне симптоматичным для современной культурной ситуации. Будучи зависимыми от социокультурного контекста, теории идентичности, как отмечают Бергер и Лукман: «...всегда включены в более общую интерпретацию реальности; они «встроены» в символический универсум с его теоретическими легитимациями и видоизменяются вместе с характером последних»⁴. «Кризис идентичности» оказывается релевантным современной эпохе, описываемой как «эра пустоты», «индивидуализированное общество» и т. д., только в том случае, если мы по-прежнему приписываем идентичности некие устойчивые свойства. Тогда как в модели социальной реальности, воспринимаемой с позиции ролевой теории, идентичность приобретает в процессе социального взаимодействия, причем характер взаимодействия напрямую зависит от той роли, которую исполняет индивид в данный момент времени. С этой точки зрения личность оказывается крайне неустойчивой и непостоянной, она подлежит переформатированию в зависимости от каждой конкретной социальной ситуации. Как писал П. Бергер в работе «Приглашение в

³ Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 29.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 281.

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

социологию»: «Самоидентификацию мы получаем от общества, и она нуждается в социальной поддержке, причем постоянной», и далее: «...каждое действие социальной процедуры <приема в члены> влечет за собой выбор самоидентификации, и наоборот, каждая самоидентификация нуждается в особой социальной процедуре <приема> для выживания»⁵. Можно сказать, что происходит самостное переживание роли, исполняемой индивидом в рамках социального ритуала персонально. Т.е. роль не столько навязывается, сколько самим индивидом воспринимается как неизбежная.

Если говорить о современном интересе к проблеме идентификации в культуре, то он не снижается. Причем, в ряде случаев мы встречаемся со специализацией отдельных проблем в данном пространстве, где лидируют исследования в области этно-национальной идентичности, можно указать, к примеру, работы отечественной исследовательницы Малыгиной И. В.⁶ В частности, данный автор отмечает: «Идентичность как способ разрешения экзистенциальных вопросов «кто я?» и «с кем я?» становится зачастую объяснительным принципом социокультурной динамики и межкультурного взаимодействия»⁷. Но и в персональных практиках повседневности, в формировании досугового проекта как индивида, так

и общественных групп, опыт самопознания имеет первостепенное значение, что также отмечают современные авторы.

Но если с точки зрения социальных взаимодействий индивид «страдает», его личность представляется как «расколотая» и постоянно пересобираемая для решения конкретных общественных задач, то в порядках современных культурных практик вырабатываются стратегии, позволяющие компенсировать рост скорости смены идентификационных показателей. Так, в связи с все возрастающей мобильностью и повышением степени социальной неопределенности, и, благодаря вовлеченности в разнообразные коммуникативные сообщества, организованные по кластерному принципу, мы оказываемся погруженными в постоянный процесс реинтеграции идентичности. Для характеристики изменений, которые происходят в системах репрезентации и идентификации индивида в обществе, созданном сетевыми технологиями, современные исследователи используют понятия «электронной идентичности» (A. Viseo), «мобильной идентичности» (M. Poster), которые подчеркивают аспект изменчивости и трансгрессивные возможности виртуальной личности. Т.е. индивид получает возможность, следуя собственным избранным ролевым образам одновременно воспроизводить и образные позиции, обусловленные социальным контекстом. Число позиций в идентификационных практиках может, по сути, быть любым, согласуясь лишь с числом коммуникативных актов, имеющих принципиальное значение для человека. Так, исполняя обязательные роли социокультурных стратегий (семейные, профессиональные и т.д.), мы получаем возможность отыгрывать

⁵ Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 95-96.

⁶ Малыгина И.В. Динамика этнокультурной идентичности: мировые тренды и российская специфика // Культура культуры. 2017. № 1 (13). С. 12; Малыгина И.В., Ярошенко Н.Н. Традиция и идентичность в сценарии глобального проекта // Культура и образование. 2016. № 4 (23). С. 9-13; и др.

⁷ Малыгина И.В., Ярошенко Н.Н. Традиция и идентичность в сценарии глобального проекта // Культура и образование. 2016. № 4 (23). С. 10.

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

большое число различных сценариев, степень обязательности осуществления которых принципиально ниже. К тому же виртуальные практики предполагают более гибкий режим включенности, правила игры здесь могут быть подобны социальным представлениям и обладать некоторой устойчивостью, а могут формироваться непосредственно по ходу действия.

Специфика сетевой коммуникации посредством обмена сообщениями в режиме реального времени, или в «отложенных порядках» дает широкие возможности для «игр с идентичностью», причем как в виртуальном, так и в реальном контекстах⁸. Трансформация жестких заданных рамок, очерчивающих границы самовосприятия, в лабильные игровые конструкции виртуальной личности позволяет выстраивать разнонаправленные идентификационные модели, отрицая, таким образом, саму модернистскую трактовку целостности Я. Зачастую непрерывность «метаморфоз» будет способствовать устойчивости Самости, претендующей на «демиургию», что приводит индивида к различным возможностям репрезентации себя в реальности, да и самой реальности, вплоть до выхода за пределы «представимого».

Активность индивида в построении Самости, таким образом, переходит и на выстраивание/корректировку социокультурной реальности в целом. Это так называемое «кон-

струирование социальной реальности». Одной из важнейших категорий становится категория «свободного времени». В дальнейшем она дополняется представлением о доступности любых точек пространства. Соответственно, пространственно-временное структурирование обретает новую специфику, а, следовательно, требует, наряду с привычным режимом «социальной обязательности» (труда различного порядка) вводить и менее жесткий режим досуга. То, что появление массового досуга обусловлено высвобождением для большей части населения времени, не обремененного обязательствами «работы», представляет тривиальную постановку вопроса. Речь идет о времени, затрачиваемом, в идеале, на самореализацию индивида. Это физическое совершенствование, секс, обеспечение комфорта и удовольствия, получение новых навыков «из любопытства», интеллектуальная нагруженность, духовное развитие и творческое созидание. Причем, появление представления о самосовершенствовании как о неотъемлемой части свободного времени во многом связано с идеей «рациональной рекреации», возникшей в 60-е гг. XIX в. Так, Крис Роджек, профессор социологии Лондонского университета, описывает как средний класс, обеспокоенный моральным разложением и распространением инфекционных заболеваний в среде рабочих, организовал компанию «за наведение порядка в досуговой активности рабочих и привитие им привычек бережливости, усердия и саморазвития»⁹. В

⁸ См.: Bechar-Israeli H. From ⟨Bonehead⟩ to ⟨cLoNehEAd: nicknames, play, and identity on internet relay chat // Journal of computer mediated communication. Volume 1, Issue 2, September 1995. [Электронный ресурс] / URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x/full> Дата обращения: 30.08.2018.

⁹ Rojek C. Decentring leisure. SAGE Publications, 1995, p.14: Middle-class fears of moral decay and physical contagion resulted in campaigns to clean up the leisure activities of deserving workers and to instil in them habits of thrift, industry and self-improvement.

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

рабочих районах создаются арт-галереи, которые рекомендовалось посещать представителям низшего класса для совершенствования морального облика. Кроме того, в среде рабочих распространяется идея том, что «в здоровом теле здоровый дух», с помощью которой обосновывается необходимость занятий физическими упражнениями и спортом. Для совершения пеших прогулок на свежем воздухе создаются парки – «легкие города». Рациональная рекреация постепенно становится все более популярной еще и потому, что организованные игры, спорт и обучение были восприняты многими рабочими, мечтающими о вертикальной мобильности как способах самосовершенствования для себя и своих детей¹⁰.

Идея рекреации в XX в. находит свое ярчайшее выражение в концепциях урбанизма и нового урбанизма. В первую очередь здесь стоит упомянуть идеи Ле Корбюзье («Урбанизм» 1925 г.), ориентированные на функциональность жилища. В этой концепции уже появляются предложения «мобильности» (в первую очередь, интерьеров) и ориентированности на самореализацию человека в повседневности (требования к освещенности дома и др.). К концу XX в. формируется концепция «нового урбанизма» (Стефанос Полизоидес), в которой само городское пространство переориентируется на возможности активной самореализации индивида. Речь идет о новом стиле жизни, «пешеходности», экологичности и активности жителей в формировании городской среды, что меняет в восприятии саму концепцию городской жизни, предлагая популярный лозунг: «Это наш город!». Креатив-

ность жителей в данном пространстве приводит к появлению групп и движений, ориентированных на организацию жизни как специфическую досуговую деятельность, где в идентификационную модель включается и топологическая ориентированность.

Идеи самореализации, тесно связанные с идеей контроля со стороны общества, вынужденно балансируют между «пользой» и «наслаждением», которые интерпретируются персонально, в зависимости от целевых установок по осуществлению «жизненного проекта» и востребованными оказываются лишь те порядки, которые в личностном плане выглядят привлекательными.

«Жизненный проект» представляет определенную стилевую концепцию, выстраиваемую сообразно «брендам», к числу которых можно отнести различающиеся по ценностным ориентирам показатели: профессиональные, рекламные, социальные и пр. Осуществляется переход от «образа жизни» к «стилю жизни», где новая экзистенциальная идеология выстраивается за счет целостности существующих стереотипных форм. М. Кастельс¹¹ писал, что «стиль жизни» вытесняет представления о традиционных идентификационных практиках. Так, ярким выражением этого становятся стилевые концепции «старости», когда возрастные «нормативы» (занятость, внешняя стилистика образа, здоровье, социальные функции и т.д.) уходят на второй план по отношению к активности индивида в социальной, творческой и духовной самореализации (возможность получения нового образования, реализация себя как «молодого» ученого или худож-

¹⁰ Rojek C. Decentring leisure. SAGE Publications, 1995. P. 15.

¹¹ Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

ника и пр.), избираемыми формами деятельности (от бездеятельности и посвящения себя детям внукам в традиционном режиме, до продолжения продвижения в карьерном плане), заботой о физическом состоянии и здоровье (занятия спортом или иными физическими и духовными практиками) из которых складывается как самоощущение и идентификационные перспективы индивида, так и отношение окружающих к нему. Речь идет именно о степени активности, из которой формируются ключевые концепции «старших» возрастных категорий: дряхлая старость, традиционная активная позиция «пенсионеров», «третья молодость» и т.д.

Возрастные репрезентативные параметры, таким образом, утрачивают свою определенность, как и показатели социальной, половой, профессиональной и пр. принадлежности, объединяясь лишь наиболее общими стереотипными образами-маркерами. Топологические «привязанности» начинают включать в себя и новые «места» – сайты, разворачивающие топологию виртуальных связей, а, следовательно, выстраивающие новые идентификационные стратегии в режимах повседневности. Деятельность стремится к «непрофессионализму» – досуговому занятиям, границы которых заведомо неопределены. Таким образом, стратегия жизни нашего современника в некотором смысле оказывается «мозаичной» (А. Моль), хотя сама «мозаика» потенциально может предполагать и выстраивание грандиозного, целостного и уникального «шедевра жизни», которая, правда, чаще оказывается соотносима с рекламной листовкой.

В связи с полинаправленной структурой общественных взаимодействий организация

жизни также осуществляется в новом режиме, предполагая принципиально возросшую степень мобильности, особенно в повседневности. Такая мобильность влияет, в первую очередь, на досуговые практики, которые определяются по отношению к пространственным и временным показателям (дальность и частота перемещений, условность и гибкость режима дня, ориентированного персонально и/или ситуативно), по отношению к формам и числу взаимодействий, а также по использованию современных информационно-коммуникативных технологий в обыденном общении, хотя можно перечислить и многие другие показатели. В ходе тривиальных досуговых взаимодействий происходит «встреча с Другим», т.е. осуществляется непрерывность идентификационных-коммуникативных актов, обеспечивающих «связь с реальностью» для индивида. В условиях множественности таких актов, как мы уже упоминали, происходит дезориентация, но социокультурное пространство вырабатывает новые «правила игры» для решения данной проблемы. Оно само оказывается ориентировано «проективно». Речь в данном случае идет о том, что социальное действие определяется «проектом», т.е. целевой установкой, организованной в рамках определенной «коллективной идеи», внутри которой вырабатывается групповая персоналистская позиция, позволяющая при «слабых взаимодействиях» реализовывать различным индивидам совместную культурную практику. Это могут быть общие увлечения «модными» видами деятельности: «hand-made», спортом, культурными акциями (хэппенингами, квестами, флеш-мобами и пр.) и т.д. Такие установки, безусловно, выходят за пределы «идеологии труда», хотя могут реали-

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

зовываться и внутри «трудовых коллективов», имеющих как традиционные, так и нетрадиционные формы.

В связи с вышесказанным мы можем создать некоторый набросок классификации проективности. Таковой будет включать различение проектов в рамках художественного творчества, «подручного» созидания, заботы о здоровье и физическом состоянии, интеллектуальное взаимодействие, путешествия, релаксации. Если «жизненный проект» абстрактно предполагает индивидуальную заинтересованность в удовольствии от его осуществления, то в реальности происходит изменение проективности в сторону активности персоналистских групп. Т.е. досуговая деятельность во многом подразумевает «разделенное удовольствие», способствующее формированию досуговых групп, базирующихся на идеологии «Мы-идентичности». Именно для таких сообществ характерен рост динамики от общества потребления к обществу пользования. Стратегии общества потребления в силу активности персоналистских сообществ существенно трансформируются, переориентируясь на креативный потенциал участников. Собственно, сама идея «пользования» появляется во французской социологии еще в 70-е гг. XX в. (М. де Серто), но востребуется в современных исследованиях. Современный индивид, формирующийся в первую очередь по отношению к ценностям повседневности, где важнейшим элементом является самореализация, постепенно снижает/утрачивает потребность в стереотипных потребительских стратегиях. Тормозит данный процесс в большей степени «перегруженность». Нехватка свободного времени в силу интенсивности новых социокультурных

стратегий и их обилия, имеющих характер многоплановой досуговой деятельности, удерживает стереотипные режимы пассивной потребительской практики.

Досуг перестает восприниматься как отдельная изолированная часть жизни, как обособленная область самореализации и самодовлетворенности. Вместе с этим начинает меняться и убежденность в том, что работа является центром жизненных интересов всех «нормальных» людей и основой общества. Опыт досуга, оказывается, прекрасно совместим с офисом или цехом, а опыт ограничения и рутины, которые часто ассоциируются с оплачиваемым трудом, вполне согласуется со многими обычными формами досугового опыта. Так, например, пакетные туры, предложенные в XIX веке Томасом Куком и процветающие по сей день, сконцентрированные на комфорте и эффективности, рутинизируют туристический опыт, делая его механистичным, лишая спонтанности и разнообразия. Зачастую туристы, пересекая целые континенты, не покидают территории своих отелей, и/или не уходят далеко от своих экскурсионных автобусов. Тогда как такие виды деятельности, как путешествия, фитнес, рукоделие и т.д., которые изначально относились к области досуга и хобби, благодаря медиатехнологиям, например, в пространстве видеоблоггинга становятся источниками дохода для своих обладателей. Здесь непосредственно сталкиваются символические роли «работы» и «досуга», демонстрируя мобильность и гибкость этих категорий.

Эту ситуацию можно рассмотреть как пресловутое «стирание граней» между трудом и досугом. Но это не совсем так. Формируется

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

новое понимание труда, в котором границы хоть и представляются гибкими, тем не менее, отчетливо присутствуют. Во-первых, труд предполагает совокупность «серьезных» показателей, включающих обязательность позиций оплаты и выполнения обязательств перед «заказчиком». Во-вторых, труд деперсонализован, т.е. авторская позиция в нем не является существенной, а, следовательно, речь идет не столько об удовольствии от деятельности, сколько о строгом выполнении поставленной задачи. В-третьих, труд в существенной степени ориентирован на обозначение социальной позиции индивида, а также на стратификацию общественных связей.

Тем не менее, эти позиции становятся менее строгими, а досуговая деятельность в некоторой степени позволяет обеспечить и заработок, и социальный статус. Это становится возможным, прежде всего, благодаря изменению идеи труда: от дихотомии «работаслужение» до противопоставленности «деятельности рутинной – деятельности креативной». Объем рутинной деятельности сокращается, либо она преобразуется. По крайней мере, в представлении индивида может дополняться интерпретациями, позволяющими выделять в ней креативные элементы. Сама креативность понимается как полутворчество, изменение форм «ближнего бытия». Т.е. движение по пути доминанции креативной деятельности приводит к тотальной вовлеченности индивида в процесс деятельности, что меняет постановку вопроса о свободном времени. Креативный труд поглощает потенциально все время индивида, претендуя даже на сокращение режима рекреации. Но подобного рода экспансия относится не только к позиции креативно-

го труда. Оплачиваемый труд в целом осуществляет колонизацию свободного времени. Эти тенденции вызывают беспокойство и активно обсуждаются в последнее время в рамках движения Post-Work¹².

Процессы, о которых говорили еще в начале 60-ых годов прошлого века, связанные с уменьшением рабочей недели, гибкими графиками, увеличением продолжительности отпусков, повышением реальных доходов и обширной системой социального обеспечения, должны были привести по мнению многих исследователей «к реальной свободе и реальному выбору для индивидов»¹³. Но подобные прогнозы попросту не оправдались. Вместо «атаки досуга», по выражению Рейсмана, и высвобождения креативного потенциала трудовой и досуговой деятельности, в социальном пространстве возникает явление, описанное Г. Стендингом в работе «Прекариат: новый опасный класс»¹⁴, которое опровергает оптимистичный взгляд на последствия информационной революции. На наш взгляд, правомерность выделения прекариата в отдельный класс сомнительна, но сам анализ происходя-

¹² См. например: Frayne D. *The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work*. London: Zed Books, 2015; Smicek N. and Williams A. *Inventing the future: Postcapitalism and World Without Work*. Verso, 2015; Beckett A. *Post-work: the radical idea of a world without jobs*// *The Guardian*. Fri 19, Jan 2018. [Электронный ресурс] / URL: https://www.theguardian.com/news/2018/jan/19/post-work-the-radical-idea-of-a-world-without-jobs?CMP=share_btn_link. Дата обращения: 30.08.2018.

¹³ Rojek C. *Decentrig leisure. Rethinking leisure theory*. SAGE Publication, 1995. P. 92.

¹⁴ Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

| Стратегии идентификационных практик и идеология Post-Work / The Strategies of Identification Practices and Post-Work Ideology |

щих перемен и тех опасностей, которые они несут, не вызывает вопросов. Проблемы, описанные Г. Стендингом, подтверждаются и другими исследованиями. Так, поиск работы превращается в саму работу, а «дисциплина, требуемая трудоустройством, непрерывна и требует постоянного самоконтроля»¹⁵. Тогда как возможность свободного распоряжения рабочим временем гибких графиков приводит к увеличению затрачиваемых на работу часов, что и демонстрирует исследование ученых из Германии и Великобритании¹⁶. При этом, как отмечают Ник Срнчек и Алекс Уильямс: «Работа превратилась в нашу идентичность, которая является единственным средством истинной самореализации»¹⁷. В попытках преодолеть данные противоречия, последователи Post-Work выступают за ряд мер, таких как за сокращение рабочих часов, введение универсального базового дохода, адаптацию рабочих мест и офисных центров, изменение статуса домашнего труда и труда по уходу за детьми. Эти меры позволят, по их мнению, перейти от

сопротивления экспансии работы на индивидуальном уровне к построению новой децентрализованной идеологии труда и реализации в полной мере креативного потенциала досуговой деятельности.

На наш взгляд, «мир без работы» на данный момент сам является, скорее, проблемой, чем решением накопившихся проблем¹⁸. Возможные негативные последствия для экологии со стороны Четвертой индустриальной революции, которая является технологической основой Post-Work и опасность неокolonизма со стороны «общества досуга» развитых стран – это лишь небольшая часть вопросов, которые возникают при обсуждении данного проекта. Тем не менее, «мир без работы» предоставляет более широкие возможности и открывает новые перспективы для порядков самоидентификации, чем существующая парадигма трудовой деятельности.

¹⁵ Frayne D. The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work. London: Zed Books, 2015. P. 77-78.

¹⁶ Lott, ChungH. Gender Discrepancies in the Outcomes of Schedule Control on Overtime Hours and Income in Germany // *European Sociological Review*, Vol. 32, Issue 6, 1 Dec 2016. P. 752-765. DOI: [//doi.org/10.1093/esr/jcw032](https://doi.org/10.1093/esr/jcw032)

¹⁷ Srnicek N. and Williams A. *Inventing the future: Postcapitalism and World Without Work*. Verso, 2015. P. 230.

¹⁸ См. в этой связи развернувшуюся дискуссию вокруг работы Ника Срнчека и Алекса Уильямса «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без работы» [Электронный ресурс] / URL: <https://thedisorderofthings.com/2015/11/11/reinventing-the-future/> Дата обращения: 30.08.2018.

